

АРТУР «МЕСТНЫЙ» САФАРКУЛИЕВ

МЯСО

будет в пятницу

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Артур «Местный» Сафаркулиев

Мясо будет в пятницу

«Автор»

2026

Сафаркулиев А.

Мясо будет в пятницу / А. Сафаркулиев — «Автор», 2026

Я писал небольшой текст, потом вспомнил одно, другое, разозлился на третьего, в итоге в существующие бесплатные онлайн-ресурсы история не влезла. Как хотят. Пусть будет книга. Читайте это, когда останетесь одни, представляя морозные зимние дни великой и прекрасной России: яркое, выкрученное на максимум, синее небо, -28°C, хруст сугробов под ногами, искристый наст и лёд. Коллективом по ролям не читайте, хоть и неплохо ляжет. Имена оставил как есть, иначе история превратится в пустышку: зачем писать про выдуманного Магомеда, когда есть настоящие живые Агабек с Балабеком? Жизнь веселее воображения. Пусть у каждого прочитавшего доброго человека всё будет лучше. Если не видите цели, не значит, что её нет. Просто идите. Живите долго и славно. Успеха.

© Сафаркулиев А., 2026

© Автор, 2026

Артур «Местный» Сафаркулиев

Мясо будет в пятницу

МЯСО БУДЕТ В ПЯТНИЦУ

АРТУР «МЕСТНЫЙ» САФАРКУЛИЕВ

Матери, Отцу, Супруге,

Друзьям,

Знакомым,

Случайным встречным.

Москва

Непростое лето 2026 года

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я писал небольшой текст, потом вспомнил одно, другое, разозлился на третьего, в итоге в существующие бесплатные онлайн-ресурсы история не влезла. Как хотят. Пусть будет книга.

Читайте это, когда останетесь одни, представляя морозные зимние дни Великой и Прекрасной России: яркое, выкрученное на максимум, синее небо, -28°C, хруст сугробов под ногами, искристый наст и л-ё-д. Коллективом по ролям не читайте, хоть и неплохо ляжет.

Имена оставил как есть, иначе история превратится в пустышку: зачем писать про выдуманного Магомеда, когда есть настоящие живые Агабек с Балабеком? Жизнь веселее воображения.

Пусть у каждого прочитавшего доброго человека всё будет лучше. Если не видите цели, не значит, что её нет. Просто идите.

Живите долго и славно.

Успеха.

ПОВОРОТ НЕ ТУДА

Вот и весна. Весна всегда дарит нам приятные ощущения, миражи. Той весной эти ощущения я ловил на сибирской стройке в городе Мегионе. Когда я там родился, он был просто «СССР, Тюменская область, город Мегион». Теперь это Ханты-Мансийский автономный округ — Югра. Весна сейчас там, наверное, сильно отличается от той моей весны. Хотя бы потому, что нас с Саидахмедом там больше нет.

Физически мы не умерли. Природа лупит нас кого по плечи, кого по щекам, но уже в разных городах, не в Мегионе. Никакой больше щедрой метели в ебало, никаких голодных дней, никакого сизого неба, никакого мастера Агабека с его никаким братом Балабеком.

— Смотрел фильм «Поворот не туда»?

— Нет.

— Это он.

Саидахмед смотрел фильм «Поворот не туда», об этом я узнал за длинным чёрным деревянным столом с торчащими гвоздями. Кто-то до нас в этой хибаре разогнал тараканов, пробился на кухню, взял несколько старых досок и сделал из них стол. Не дизайнер, таких тогда в этих краях ещё не было. Этот кто-то выживал. Он тоже оказался на дне и знал, что надо делать хоть что-то. Как в сериалах про ходячих мертвецов, только ходячим мертвецом был он сам. Жизнь в этом мертвце теплилась, но в основном на лохматой рыжей макушке.

Это сейчас едят доставку в кроватях. Ещё недавно ели за столом на кухне все вместе то, что сами приготовили. Или то, что я приготовил. Варишь самые дешёвые спагетти, залива-

ешь томатным соком «Добрый», томишь, чеснок, зелень, чеснок, зелень, помидор, соль, перец. «Мясо будет в пятницу. В мечеть свежее привезут». Возьмём бесплатно.

— Приберёмся, быт наладим, — я меньше, но старше. Саидахмед стандартный двухметровый в обе стороны дагестанец, двоюродный мне брат. Я попроще — метр семьдесят пять по военному билету, так метр семьдесят восемь, за столом поменьше. Он приехал заработать, я — остаться.

Как я оказался за этим столом в Западной Сибири? Да вот только что погибал на поминках на Урале, смотрел на свиной желудок на столе, наштигованный дарами деревенских с Александровки, пинал что пинается, бил что бьётся, молчал что всегда должно молчаться. Со мной были друзья. В Москве некоторые ребята нашей формации называли друг друга соратниками. У нас просто друзья да братухи, идеи-то у нас не было, откуда взяться соратникам.

Когда я стоял и общался с незнакомцами, а сзади слышал шлепок — это Андрюха Ёж вырубил лиценца, который только что хотел зарядить мне в затылок, пока я регламентирую сегодняшний быт корешей этого лиценца в нашем кабаке: вы покупаете нам пиво, а потом сидите тихо и уёбываете, а можете и сразу валить. От звука шлепка я уже не моргал и не прерывал инструктаж. Только смотрел на вспыхивающие и угасающие зрачки собеседников: «Да, поняли, да». Уйти они не могли — некуда. Мы и так живём на въезде в городок. Подадутся вглубь — там совсем другие порядки, там темно, нет фонарей, и всё с незнакомцами делается для развлечения.

Казалось, что босяцкая удача преследует нас по пятам. Оказалось, это что-то более потустороннее. За столом слева сидели двое с чернобровой подругой. Посмотрели на меня, на остальных шестерых. Встали и вышли. Стол их был скудный: три пластикового бокала пива и сухарики для дамы, ведь она женщина, а женщинам, как и детям — лучшее. Встали и вышли. Чернобровая подбежала ко мне, вцепилась солидной носярой в ухо и зашептала заклинанием:

— Они деревенские какие-то, за стволом поехали. Валите.

— Каким стволом?

Отбежала обратно хрустеть за стол.

— Уважаемые друзья и пацаны, угасающего вида дама сообщила, что тут сейчас будет какой-то пистолет и два деревенских. Деталей не знаю, ничего непонятно, но предлагаю выйти посмотреть с улицы, — примерно так я звучал со стороны, а может и лучше.

— Гонит, — из хора семерых пропели три баритона. Тенор насупился и промолчал.

Два баса зависли и:

— Выходим.

Сидят. Добавил свой баритон седьмым (демократия — власть баритонов) и встал.

Вышли со всей поклажей: баллоны пива, пластиковые стаканы, орешки для Юры, сырная косичка для Кабана.

Присели на садовую калитку у клумбы напротив входа в трёх метрах. Без палева наблюдаем. Под фонарём. Юра хрустит орешками.

После нас в кафе зашёл человек сложной судьбы, крепких принципов, исполинский Роберт «Робен». После освобождения мечтал увидеть дочь, но так и не сложилось. Бывшей супруге уголовник ни к чему. А стал-то им из-за кого? Защитил разок в сельском кабаке, как и мечтала.

Горевал, потом все тяжкие (тяжеловес), отрицание, затаился, почти сдался, и да — все самые тяжкие.

О, «стволовые» деревенские вернулись.

Врачи вам этого не скажут, потому что такую тупость даже у них не спрашивают, но в человеке очень много зубов и крови. Роберт «Робен» выбивал их хлестко, как нас учили

в подвалах, быстро возвращая руку и втыкая её в человека вновь, из жилистых деревенских буквально вынимал жилы.

Пистолета у молодых людей так никто и не нашёл, может, его забили куда-то глубоко, что уже не сыскать. (Зачем ездили?) А гонор нашли. Он Роберта и задел, ныне покойничка.

Оказался я в Сибири просто. Пора было двигаться дальше. За плечами Санкт-Петербург, Москва, Уфа. Где родился, там и пригодился. Послушайте The Toxic Avenger-Home Call.mp3 и всё поймете. Если не поймёте, налейте 0,7 водки в ведро из нержавейки, 5 литров «Спрайта», выпейте, включите Александра Градского «Как молоды мы были» и всё поймёте. Не дойдёт, тогда Синяя Птица — «Там где клён шумит». Уверяю, дойдёт. Если уж после всего этого не дошло, наверное, это просто не ваше — песни слушать.

— Ржавчину с труб убрать надо, — Саидахмед начал соображать, что время принимать решения, он больше не дома с мамой в горной местности. На северах может и укроешься, да по весне всё равно оттаешь.

— Я из слива ванны уже целую причёску достал, — а я и достал. Ещё вчера до аэропорта не стал бы и руки марать. А тут целым рыжим шиньоном перед носом размахиваю у Саидахмеда, которого вижу второй раз в жизни, да и за день. Видал, мол, какие тут люди на морозном воздухе здоровые, шевелюры какие отращивают, аж в слив не пролазят.

КУЧЕРЯВЫЙ ИНЖЕНЕР

Мегион меня встретил с почестями. Товарищи отца нарядились в джипы, ведь он человек уважаемый, а я прямой родственник человека уважаемого. Встречают так только первенцев, остальные сыновья уже сами приезжать будут. Но чаще уезжать.

— Вуч хабарар ава? (Как дела/Какие новости? — говорит мне на лезгинском) Работу нашёл уже, Артур?

— Чё? — трясущими напьющимися бровями, все ждали другого Артура, я ожидания не оправдал, приехал без кубиков пресса, что видно из-под пальто, а они мои оправдали.

Все модные, хоть сейчас с прокуратурой приходи. Если бы они спросили меня, ну чё, как мы выглядим по десятибалльной шкале, я бы взял двух следаков (один с огнемётом) и расследовал бы природу происхождения этого лощёного вида. Но я такой же нерусский, только бродячий из яростной русской среды. Откуда у меня друзья следаки? Они появятся только через 10 лет. Помощника прокурора уже знаю по Альшеевскому району Республики Башкортостан, но он об этом ещё не знает в текущем 2011 году. Пару недель назад видел его блюющим у «кальянной» (кафе на цокольном этаже с двумя кальянами), какой из него помощник, сам с трудом справляется. Корешок из московского центрального аппарата появится через 11 лет. Знаю лично, как родного брата, Диму Мугалимова, сокурсник (однотруппник — «группаш»), получил второе юридическое после нашего международного права, стал добровольцем с нуля 2022 года, получил лейтенанта на СВО, но в далёком июне 2026 года; с оружием в те годы он бы никогда не связался, не тот масштаб. Знаю нескольких ВДВ-шников, которые как и многие ВДВ-шники уйдут в успешную коммерцию и благотворительность. Двумя словами: никакого бандитизма. Тремя словами: сплошь мирные люди.

Много кого знаю. Только сейчас они простые пацаны, которые пьют во дворе или на цокольных этажах с толпой знакомых, потому что в нормальных заведениях дорого. Да и нет таких заведений. Нормальных.

— Так чё, работу нашёл уже, Артур? — прозвучало уже как-то на балабановском нахско-дагестанском из х/ф «Война». Будто это не мои этнические земляки лезгины, а чужие. И враги.

— В администрации нерусских курить буду, — интересно, умеют ли они смеяться ещё, эти мастодонты девяностых, или атрофировалось всё.

— А-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА, — это смех.

За полчаса живо долетели от Нижневартовска, аж херово стало от приятных ароматов в машине. Её ещё и не трясло. Музыка не орёт. Хочется выпить и закурить. Но уже в следующей жизни.

«Порш Каен» несётся в бездну иссиние-чёрного сибирского неба, седеют панельки. Снега, панельки, снега, жёлтый свет, оранжевый свет, окónца. Что-то светлеет вдали, но над тобой всё обливается чернотой. Будто где-то там вдалеке другая Сибирь, там рыбалка, костёр, смех, ярко-красный закат, обволакивает голову запах доброго сытого дыма, тут — мрачный Саянск Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции.

«Корочку» оператора добычи нефти и газа я получил довольно быстро. И пошёл на стройку. Пока ждал на правах гостя человека уважаемого, что за меня по знакомству решит вопрос отец, вахта уехала. Узнал я об этом, когда вспомнил, что помимо отцовской стороны у меня тут есть родственники со стороны матери. Мои. Русские.

Рад, что родители договорились когда-то. Что не Абдулла (версия отца) и не Андрей (версия матери). Не Абдулла я, прости, Господи, и не Андрей. Наверное, поэтому отец всё детство будет мне: «Ни рыба ни мясо ты какой-то».

Тогда в тех местах нейтральным было — Артур. Были только я и татарин, сын соседки, соседка эта была акушеркой матери. Такой маленький город. Когда живёшь за роддомом на улице Заречной.

Мама моего друга Артура встретила меня первая в этом мире. И просила, чтобы мы оба были Артуры. Её мнение учли. Были же времена. Чьё-то мнение учитывалось.

А вот и они, мои русские.

Родственник со стороны матери, главный инженер, Тётя Ира была обнаружена в универсаме типа «Пятёрочка», только «Копейка», где моё эго с ходу прооперировали без предварительного обследования. Через несколько лет я и сам стану ведущим инженером, но это уже будет потом и в целом Департаменте.

— Ты чего приехал и молчал, итить твою мать?! — стоим меж полок с макаронами, люди пытаются пройти; можете не дёргаться, тёте Ире п-о-х-е-р. Этот белобрысый кучерявый родственник, как и другие, с причёсками и без, получил телефонный сигнал о моём присутствии в городе от матушки Валентины, которая подарила меня этому миру, а я радую его и по сей день.

Мама у меня осталась жить в отчем доме на Урале, откуда все эти мои северяне и происходят. Но произошли они оттуда так давно, что сибиряками стали, сибиряками и уйдут.

— Так к бате приехал же. Новую жизнь начать, то да сё, — мне чуть за двадцать, не понимаю почему на меня орут в магазине, я только что был амбассадором ультранасилия в глубинке и даже семь раз в большом городе. Плюс секс-символ. И певец.

— Какой батя, у него дел и без тебя хватает. У меня вахта вчера укомплектовалась, Я ЕЁ СОБИРАЛА, ты э-т-о понимаешь?! — она ещё так членораздельно говорит всегда, привыкла с тупыми работать, акценты расставляет на каждом слове по-своему — хуй угадаешь, это вам не караоке. Ещё она «нафик» говорит, не «нафиг», а «нафик» с чётким «к». Вот такой прононс.

— У меня так-то корочка есть. Я оператор добычи нефти и газа, — да, в «добыче» ударение строго на первый слог, но у меня не прижилось.

— Да вижу уже, оператор макаронный, нафик, — помолчала и добавила задумчиво в пол, — итить твою мать, нафик.

— Это паста будет, — я всё про свои макароны, одна жратва на уме. Сто килограммов до шестидесяти ещё не сползли, но калораж тулова уверенно тает в пуховике.

— Всё, заходи давай в гости, раз уж тут теперь живёшь, к Тёте Гале не забудь с Дядь Сашей. И к сёстрам зайди: Анька с Иринкой хоть стол накроют, а то ходишь тут. Давай, вахтовик, цалую, нафик.

Ушуршала с богатой корзиной провизии. Пошёл выбирать шоколад подешевле. Без сахара смерть.

Выбрал шоколад «Спартак», потому что жил у Лужников.

В гостях у всех побывал, но без особого удовольствия. Сердце только полыхало. Будто из тюрьмы отпустили домой на полчаса, а отбывать пожизненное. Никакой свинины, табака, алкоголя. Пришёл в гости к Тёте Гале: «Даже пивчик не будешь?» Пришёл к сёстрам: «Зацени рулетки с бекончиком».

В чём проблема? А я приехал на Север, чтобы в двадцать с небольшим неожиданно для всех пожить так, как этническая часть по отцу меня ведёт — по Исламу. Она ли меня вела?

БУДНИ ШЕФ-ПОВАРА

Ебучий ты Север. К бате приехал, ему некогда посидеть поговорить, друзья его — окаменелые с позапрошлой эпохи минералы из неприятной материи, своих у меня нет, единокровные братья — мелочёвка, которая оживит меня, когда я стану им нужен, но это будет через 10 лет. А сейчас-то мне что делать, пока я не знаю что меня ждёт?!

Спортзал с бройлерами, которые жрут куриную грудку прямо в зале у станка. Это место я принял как образ жизни. Занимался в ярко-красной кофте «СССР», батя поделился. Абонемент как две пачки макарон с нижней полки, по ценнику, не по размеру. Можно чередовать. Тем более в ярко красной кофте «СССР».

Но есть ещё одно дело. Брат двоюродный [со стороны матери].

Это его мне мелкого оставляли на летнем Урале, когда всей роднёй уезжали по ягоды. Кроме него оставляли ещё сковородку жареной картошки и кастрюлю прекрасных кислых щей. Иван, родная моя душа, выбегал на улицу своими дурными ножками и нажирался одуванчиков. Человек искусства как был, так и остался. Глубокого взгляда на мир человек. Припёрся, лёг на кухне на пол и кряхтит на своём писклявом малолетнем.

— Ты чё разлёгся, придурок? Кушать будешь-то? Ща греть буду.

— Нет, живот болит, — крутится на полу, опять брейк-данс пытается показать, что ли, сколько можно уже, впечатлительный пиздец, один раз показали танец с MTV на кассете — всё теперь. Хоть «Раммштайн», хоть группа «Адреналин» («Гранитный камушек в груди»), хоть «Скутер» — всё брейк-данс танцует в своей придуманной манере. Сервант разьебал бабке, кошку сиамскую чуть не ухайдокал — не чувствует пространство.

— С чего болит-то?!

— Да одуванчик берёшь когда, отламываешь, а там молочко. Его вот ел... много...

Это Ваня Кузнецов.

— Ваня тут жил Кузнецов, знаете такого?

— Не знаю такого.

По ебалу вижу, что знает. Урал из меня ещё не вышел, в мечеть я зайти ещё не успел, поэтому:

— Не пизди. Знаешь. Все знают. Где?

— Ещё с легавыми не базарила, — лязгнула впавшими челюстями босота-нарколыга.

Не выдерживаю сибирской атмосферы без своей отвёртки «Хром Ванадий». Нет никотина, допинга нет, друзей нет, музыка фоном не играет, как будто я в кино. Ничего нет, я один в открытом космосе, хожу среди девятиэтажных иглу изо льда, ещё ты меня драчишь, блядь,

индеец в двухэтажном балкё, американских боевиков пересмотрела?! Что за легавый, сучара ты худосочная?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.